

ГОРЬКИЙ — Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА

Людия Николаевна Сейфуллина (1889—1954) в своих воспоминаниях, озаглавленных «Человек», так охарактеризовала роль, которую сыграл Горький в ее жизни: «Он вошел в мою жизнь, как в тысячи жизней моих сверстников, властно и навсегда. Вошел своей творческой мыслью, своим вдохновением, своим познанием человеческого бытия. В глухом бездорожье, перед рассветом 1905 года вдруг заговорил с нами добрый, знающий дорогу человек» («М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 584).

11 мая 1917 г. Сейфуллина вместе с группой сельских библиотекарей посетила публичное заседание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук в России», в Большом театре. Тогда она впервые увидела Горького, слышала его выступление и участвовала в беседе с ним. Личное знакомство состоялось в 1928 г., в Москве, по приезду Горького из Италии. Горький вызвал Сейфуллину, чтоб расспросить о состоянии литературных дел в Сибири, о работе журнала «Сибирские огни», в котором писательница начала в 1921 г. свою литературную деятельность. О творчестве самой Сейфуллиной Горький сказал: «Мне понравилось дельное замечание одного критика. Он так выразился о вас: рано приклеивать Сейфуллиной бороду Толстого. Так вот, сударыня, не торопитесь с бородой! Литератору никогда не следует горячиться и самообольщаться. Усвойте себе это жизненное правило. Поверьте, лучше и легче работать будете» (там же, стр. 588). «Позднее он резче, прямее и настойчивее бранил меня. Сам убедительно просил написать рассказ для журнала „Колхозник“, а получив, беспощадно исчеркал и вернул даже без всякого отзыва. Зато как я была счастлива, когда он хвалил...» (там же).

Ниже публикуются два письма Горького Сейфуллиной и три письма Сейфуллиной Горькому. Письмо Горького Сейфуллиной от 8 июля 1931 г. было опубликовано в сб. «Горький и Сибирь». Новосибирск, 1961, стр. 215; письмо от 19 ноября 1934 г. — в «Лит. газете», 1959, № 38, от 28 марта в связи с сообщением о подготовке наст. тома.

1

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва⟩. 5-го июля 1931 г.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович.

После вашего отрицательного отзыва о журнале «30 дней»¹ в редакции большая тревога. Она парализует работу. Создать новый журнал трудно. Просто закрыть существующий, чтоб осталось гладкое место, нельзя по многим причинам. О них я должна вам сообщить. Недавно составлена обновленная редколлегия². В нее включили меня. И рабочий редсовет поручил мне обратиться к вам за указанием и помощью. Почему нельзя просто прекратить выход этого журнала? «30 дней» существует семь лет. Журнал премирован на выставке советской печати. О нем были прекрасные отзывы в «Правде», «Известиях» и др⟨угих⟩ центральных органах печати. Его обследовала бригада ЦК ВКП(б). Она дала хороший отзыв. Журнал представляет собой целую систему изданий для культурного обогащения современного читателя. Он дал читателям Короленко, Мопассана, Щедрина

и др. Наряду с классиками — избранные произведения советской литературы, лучшее, что появилось за последние годы. При журнале шла действенная общественная работа. Во время драки с китайскими бело-гвардейцами³ журнал организовал литературную помощь красноармейской печати. Он получил от ОДВА грамоту за действительную помощь Красной Армии. «30 дней» — первый в СССР журнал, создавший настоящий рабочий редсовет. В составе его авторитетные рабочие, ударники. Один из них, С. Фридман, вошел и в новую редколлегия журнала. Кроме того, работает он в редсовете «Молодой гвардии». Другой, Астафьев, работает по выдвижению в редсовете издательства «Федерация». Третий, С. Гуров, дважды премированный ударник — рационализатор на Пресненском заводе, ударник бригады Краснопресненского райкома. Четвертый, Павлов, ударник бригады ЦК ВКП и др. Их всего семь человек. Помимо того, что все они являются отменными, прекрасными работниками у себя на заводах, они работают в печати регулярно и неустанно. В журнале «30 дней» они дежурят по очереди для бесед с авторами, никогда не задерживают рукописей, пишут сами в своей заводской и общей периодической печати. Опыт их работы получил общественное одобрение рабочих тех заводов, которые их выдвинули. Может быть, благодаря главным образом их авторитету, «30 дней» стал чрезвычайно популярным журналом в читательской рабочей массе. Здесь действительно существует связь с рабочими читателями. «30 дней» наладил работу с молодежью, с новыми кадрами. Очеркисты, в большинстве работающие и в «Наших достижениях», — представляют, наоборот, проверенные литературные силы. И такое соединение в журнальной работе очень помогает молодежи. Малые литературные формы, укрепление и развитие которых необходимо в интересах массовых изданий, сейчас в загоне. Журналы печатают отрывки из больших повестей и романов. Законченное большое произведение может быть помещено лишь в толстых журналах. Эти журналы в рабочей массе читаются мало. Толстую книжку сейчас вообще немногие из трудящихся осиливают. У всех слишком много ежедневной насыщенной работы. Журнал «30 дней» мог бы бороться с этим равнодушием к периодическим изданиям. По мере сил и умения, редакция этого и добивается. В последние годы он освещал, главным образом, вопросы советского строительства. Мы полагаем, что и теперь этот иллюстрированный журнал может освещать вопросы советской культуры, литературы, искусства и быта не только в иллюстрациях, но и в соответствующей литературной малой форме. Такого типа журналов, как «30 дней», в СССР больше нет. У него много читателей. Было бы еще больше, но не хватает бумаги. Объем «30 дней» в последние годы уменьшен. Редакционные работники, технически создающие журнал, испытаны на двенадцатилетней советской журнальной работе (в красноармейской и гражданской печати).

Наш рабочий редсовет поручил мне, Алексей Максимович, просить вас, нельзя ли ввести «30 дней» в так называемый Горьковский литературный комбинат⁴. Это наше общее горячее желание. Во всяком случае, не откажите нам в совете, как сделать журнал хорошим. Если бы вы были добры принять меня лично, можно было бы поговорить подробнее. Будем ждать вашего ответа⁵. Я не могу переписать письма потому, что у меня болят глаза. Очки только что заказаны, а старческая дальнозоркость давно нализо, и я переутомила глаза. Простите мне поэтому всяческие помарки.

С глубоким искренним уважением

Л. Сейфуллина

Мой телефон: 1—75—37. Адрес: Спиридоновка, д. 26, кв. 23, А. И. Стецкого, мне.

Л. Н. СЕЙФУЛЛИНА

Рисунок В. А. Милашевского, 1932 г.

Собрание художника, Москва

¹ «30 дней» — литературно-художественный журнал, выходивший с 1925 г. по 1941 г. В статье «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» («Правда», 1931, № 108, от 19 апреля) Горький писал: «В социалистическом государстве не должны иметь места такие „журналы“, как „Советский следопыт“, „Природа и люди“, „30 дней“ — пошлейшее издание». При переиздании статьи Горький исключил оценку журнала «30 дней» (см. т. 25, с. 482). «Пошлейшим журнальчиком» назвал Горький «30 дней» и в письме к А. Б. Халатову от 24 января 1931 г. (АГ).

² В состав новой редколлегии вошли: В. Соловьев (ответственный редактор), В. Регинин, Л. Сейфуллина и С. Фридман.

³ Имеется в виду конфликт на КВЖД в 1929 г., окончившийся разгромом китайских милитаристов.

⁴ По-видимому, в данном случае Сейфуллина имеет в виду включение журнала «30 дней» в орбиту тех изданий, которые осуществлялись по инициативе и под руководством Горького, как, например, журналы «Наши достижения», «Литературная учеба», «За рубежом», «СССР на стройке».

⁵ Горький откликнулся на просьбу Сейфуллиной. В заметке «А. М. Горький о журнале „30 дней“», опубликованной в журнале «30 дней», 1931, № 8, читаем:

«Рабочий редсовет обратился к А. М. Горькому за указаниями и помощью в связи с его „сердитым“ замечанием по адресу журнала в одной из статей о нашей периодике.

В беседе с представителем редсовета Алексей Максимович согласился, что журнал „30 дней“, освещающий текущий день СССР, — нужен.

— Хорошо, что в журнале, — сказал А. М. Горький, — в большой мере освещается социалистическое строительство. Нужно только к самим очеркам усугубить требовательное отношение. В каждый из „тридцати дней“ нашей страны входит работа и по поднятию ее культурного уровня, развитию ее искусства и литературы. Поэтому необходимо ввести в журнале литературные обзоры. Точно так же нужно усилить или даже заново организовать отдел „За рубежом“, помня, что за границей происходят события чрезвычайной важности, и о них необходимо пространно сообщать читателю.

Нужно также показать в журнале, как под напором трудящихся теряет свой прежний авторитет на Западе религия. Вот, например, борьба в Италии с духовенством — явление большой важности, но ему на страницах журналов до сих пор не отведено необходимого места.

М. Горький передал редколлегии журнала „30 дней“ ряд отобранных им вырезок из заграничной белогвардейской печати для использования их в отделе „За рубежом“ и обещал дальнейшее свое содействие „30 дням“. Алексей Максимович также взял

слово с присутствовавшего при этой беседе писателя И. Бабеля, что он напишет для „30 дней“ очерк о французском суде <...>

Последующий пакет с материалами из иностранной печати для „30 дней“ Алексей Максимович сопроводил письмом, в котором, возвращаясь к своей беседе с представителями редакции, подчеркивает, что „лицо журнала должно быть изменено в том направлении, как мы говорили. И если редколлегия не против моего вмешательства в ее работу, я готов снабжать ее вырезками, подобными прилагаемым. Могу изредка давать статьи о зарубежном быте“» (стр. 60—61).

В письме к Горькому от 19 июля 1931 г. рабочий редакционный совет журнала «30 дней» писал: «Дорогой Алексей Максимович, рабочий редсовет журнала „30 дней“ 19 июля обсудил ваше письмо, адресованное Лидии Николаевне Сейфуллиной, и вынес ряд конкретных решений по поводу указаний, сделанных вами.

„Ваше вмешательство“ в нашу работу чрезвычайно ободрило нас, оно дает нам уверенность в том, что при вашем руководстве и помощи нам удастся добиться разрешения задач, поставленных себе редсоветом и редколлекцией с первого дня их работы, — сделать журнал „30 дней“ хорошим и нужным. Нас особенно обрадовало ваше обещание давать на страницах нашего журнала хотя бы изредка статьи о зарубежном быте, а материал, присланный вами (вырезки из белых газет), мы, конечно, используем в ближайшем номере.

Мы хотим, чтобы связь с вами нашего журнала стала постоянной и прочной, а пути к этому вы нам укажете сами, — при ваших „нагрузках“ мы не решаемся этого сделать.

Ваше письмо не только „сгладило отзв“ о журнале: оно дает нам большую уверенность и новые силы в той новой и трудной еще для нас работе, за которую мы принялись — в овладении высотами литературной работы, в создании хорошего журнала, рассчитанного на передового рабочего читателя» (АГ).

С конца 1932 г. во главе редколлегии журнала «30 дней» стал П. А. Павленко (см. письмо Горького П. А. Павленко от 1 января 1933 г., т. 30, № 1067 и прим. к нему).

2

ГОРЬКИЙ — СЕЙФУЛЛИНОЙ

<Горки. 8 июля 1931>.

Дорогая Лидия Николаевна —

посылаю десяток вырезок, которые рисуют современное положение людей искусства в Европе.

Мне кажется, что из этого материала можно сделать интересную статью¹.

Крепко жму руку.

А. Пешков

8.VII.31.

P. S. Прилагаю еще кое-что по США и о «событиях» на Корсике.

А. П.

¹ В письме от 3 февраля 1932 г. рабочий редсовет «30 дней» информирует Горького о перестройке работы журнала: «Надеемся, что вы в свободную минуту напишете, насколько успешно мы выполняем ваши указания. Насколько удовлетворительны, в частности, наши политобзоры, которые составляются на основе присылаемых вами вырезок?» (АГ).

3

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

<Москва. 1 ноября 1934 г.>

Дорогой Алексей Максимович.

Уместней было бы написать «глубокоуважаемый», но казенным стало такое обозначение большого чувства — уважения одного человека другим. И «дорогой» я пишу с ощущением первоначальной весомости этого слова. Вы не можете заподозрить меня в лести. Для этого слишком явно, грубо подбираю я слова. Так не льстят теперь. Есть форма тоньше и верней.

Я хочу рассказать вам о подлинном человеческом ощущенье — радости от того, что в жизни есть искусство. Я была третьего дня в театре Вахтангова на двухсотом представлении «Егора Булычова»¹. Что театр был переполнен — это не удивительно. Московские театры всегда полны зрителем. Но как воспринимался спектакль, вот в чем дело. Каждое действие прерывалось аплодисментами. Ни одна удачная фраза не падала в пустоту. Со мной в директорской ложе были домашняя работница и вузовка. Естественно, что каждая воспринимала спектакль по-своему. Вузовка (медичка со второго курса) два раза плакала, когда страдал Егор от бессилья перед смертью, от чувства одиночества в этой личной своей обреченности. Моя домработница сидела с каменным нахмуренным лицом. При остроумных словах и над смешным положением героев смеялись они обе заразительно и дружно. В антракте домработница сказала мне: «вот и прожил всю жизнь на чужой улице» (я не подсказывала ей этих слов и не указывала на них). «Эх, отец его плоты гонял, а у него что получилось? Женился на богатой, а только и есть у него, что Шурка — незаконная да Глафира». А когда мы уходили из театра, она заявила: «Я теперь всегда буду ходить на драму. Ну, Горький! Вот так *наш* Максим Горький». До сих пор она ходила только в кино, а в Малом театре устала и вернулась до конца спектакля, с «Любови Яровой». — И вот третий день она мне и малярам (у меня в квартире ремонт) надоедает пересказом «Егора Булычова». Для вас это, конечно, не ново. Но я счастлива от сознания, что существует же сила художественного слова. А я, было, стала сомневаться в этом. Уж очень паршиво жить в нашей самодовольной, завистливой и глухой «литераторской» (по вашему обозначению) среде. Один строит дачу, другой покупает автомобиль, и каждый: «я, я — мне, мне», как будто нет и не было бесценных сокровищ русской литературы, как будто не существует огромный удивительный мир СССР, а вопят одни Яши Ячкины, прожорливые и тупые, самовлюбленные. Может быть, что я воспринимаю окружающее нервозно. Я около месяца пролежала в больнице после мучительной операции. А по возвращенью в сообщество здоровых всегда хочется жизни плодотворной и, по возможности, чистой от корысти, от зависти, от недоброжелательства. На спектакле у Вахтангова я отдохнула, и мне захотелось написать вам, дорогой, любимый Алексей Максимович. Так захотелось, что пишу я со сжатыми локтями, на краешке стола. Из-за ремонта все вещи сдвинуты в одну комнату, в другой работают. Вы знаете, Алексей Максимович, что мне от вас ничего не надо. Вы помогли мне в прошлом году², но не я просила вас об этом. И если уж унижаться и льстить, то нашла бы я и другие подъезды, более парадные, чем ваш. Вы должны поверить в искренность этого моего к вам посланья. Очень хочется поверить, что люди еще могут верить в непроизвольность благодарных слов. А я благодарю вас за то, что вы есть на свете, за то, что написали хорошие книги, написали и «Егора Булычова» и напишете еще новое. В больнице я перечитывала «Детство», «В людях» и «Дело Артамоновых». И в какой-то первооснове возродилось мое читательское восхищенье. Я крепко жму вашу дорогую руку, от всей полноты души желаю вам здоровья, сил и возможного счастья.

Л. С е й ф у л л и н а

1-го ноября 1934 г.

¹ Высказывания Сейфуллиной о драматургии Горького, в частности о его пьесе «Егор Булычов и другие», мы находим в ее статье «О ненависти, о любви (М. Горький—драматург)» («Литературная учеба», 1940, № 12), а также в ее воспоминаниях о Горьком «Человек» («М. Горький в воспоминаниях современников», М., Гослитиздат, 1955).

² О чем идет речь, установить не удалось.

ГОРЬКИЙ — СЕЙФУЛЛИНОЙ

〈Тессели. 19 ноября 1934 г.〉.

Многоуважаемая татарка Лидия Сейфуллина, чёртова кукла с глазами, как шарикоподшипники!

Мною, старым воробьем от литературы и генералом от старости — могу сказать так, ибо в древнее время «бытовали» генералы от инфантерии — (терпеть не могу вводных предложений!), — мною давно уже было замечено, что вы не только весьма даровитый литератор, но человечина, влюбленная в литературу и, главное, смело честная, искренняя — качества, коими литературная «среда» не изобилует. Хотя это сказано тоже совершенно искренно и с полнейшим убеждением, но — ежели не верите, чёрт с вами! — можете считать за комплимент, дело — не в этом.

Получив ваше «объяснение в любви», я чувствую себя в праве «пробрать» вас, сиречь — изругать. 〈...〉

Вы бы лучше писали побольше, да не писем, к старикам, а — рассказов, повестей, даже роман следовало бы попытаться начать. 〈...〉 У вас есть вполне определенное, своеобразное дарование и вы — не имеете права игнорировать его. Будучи глазастым человеком, вы, конечно, видите, что у нас в литературе уже вполне достаточно равнодушных, халтурников и — вообще — паразитов пролетариата. Для вас было бы преступно включать себя в их стадо. Я вам еще раз повторю: вы человек талантливо чувствующий, и вы имеете все данные для того, чтоб талантливо знать, талантливо различать нужное от ненужного, находить в навое жизни ее жемчужные зерна. Именно об этом говорят: «Ириней», «Правонарушители»¹ и другие рассказы, включительно с последним, прочитанным мною — о девочке².

Я уверен, что вы могли бы отлично писать о детях, о женщинах, в их современном виде.

Ругать вас я могу весьма длинно и много, но, к сожалению, у меня нет времени для этого полезного дела. Да и — чёрт вас знает! — еще обидеть: какое право ругаться имеет этот старинный Нестор Кукольник? Да.

Уважаемая Сейфуллина — факт! Я — старею. Старею, как бог или как Герберт Уэллс и так же, как у последнего, у меня развивается мания величия. Я хочу сделать земной шар гладким, как бильярдный, и для этого разрушаю камни, чтоб — впоследствии — разрушить все горные хребты: Кавказы, Альпы и прочие Гималаи.

Очень неудобно будет любителям спокойной жизни на гладком-то шарике! Вообще я им устрою штучку!

Пока — до свидания! Спасибо за письмо.

Литераторы должны любить друг друга вовсе не так, как собаки любят. Или — петухи. Верно?

Жму лапу.

Иегудиил Хламида.

Он же М. Горький (А. Пешков)
и Джонатан Шекспир

19.XI.34.

Кисели³ в Крыму.

¹ Повесть Сейфуллиной «Ириней» была впервые напечатана в «Красной нови», 1924, № 4. Рассказ «Правонарушители» — в «Сибирских огнях», 1922, № 2.

² Речь идет о рассказе Сейфуллиной «Таня», впервые опубликованном в «Новом мире», 1934, № 8.

МОСКОВСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

На снимке, снизу вверх (слева направо), на полу: В. В. Каази, Г. А. Санников; в первом ряду: А. М. Файко, В. Н. Билль-Белодер-ковский, В. В. Вишневский, Л. Н. Сейфуллина, В. М. Инбер, А. А. Караванова, М. С. Шагинян, Ф. В. Гладков, П. А. Павленко, А. А. Фадеев, И. Г. Френбург, В. М. Кирпич, Л. В. Никулдин; во втором ряду: А. Г. Зархи, Г. Н. Гайдовский, Ф. А. Березовский, С. Д. Годинер, Д. Р. Бергелъсон, К. Л. Зелинский, Н. Огнеч, И. Ф. Жига, В. В. Гольцев (девятый), А. А. Богданов, Н. Н. Ляншо, А. И. Эрлих, Шалва Сослани, М. В. Колосов, В. М. Лапин, Б. С. Ромашов, венгерские писатели А. Барта и Шандор Гергель, Л. А. Кассиль; в последнем ряду: Б. Н. Агапов, С. П. Бородин (третий), Е. Н. Пермитин, А. Г. Митрофанов, румынский писатель М. Г. Кахана и др.

Фотография, 17 августа—1 сентября 1934 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

В воспоминаниях о Горьком Сейфуллина пишет: «Дороже всех его похвал было мне его поздравление с рассказом „Таня“» (сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 588).

³ Шутливое обозначение Горьким места своего пребывания: Тессели в Крыму.

5

СЕЙФУЛЛИНА — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. Конец ноября 1934 г.⟩

Алексей Максимович!

Ваше письмо принесло мне большую радость. А их что-то мало стало в моей личной жизни, поэтому я их дорого ценю. Вы называете себя «генералом от старости». Позвольте упрекнуть вас в некотором кокетстве. В генеральстве вашем — старость — явление привходящее, оттого сугубо досадное. А всякую досаду надо отметать. Это сделать тем более легко, что нами, людьми, пишущими вам объяснения в любви, старость ваша не воспринимается никак. Человек, умеющий так работать, столь полно ощущать жизнь и так реагировать на ее явления, — не стар. Паспортные сведения не должны интересовать даже вас, хотя бы потому, что никто у Горького паспорта не спросит. По многим ощущениям жизни я старше вас. И вы для меня — старший не по возрасту. Именно потому ваши указания принимаю добровольно, как *приказанья*. ⟨...⟩ От всей души желаю вам здоровья. Остальные дары при вас, и старость пусть посторонится, подождет.

Большое вам спасибо за письмо.

Крепко жму вашу руку.

Если вы позволите назваться так, то

ваш верный друг

Л. С е й ф у л л и н а

Датируется по сопоставлению с письмом 4.